241

Выходитъ що пятницы во Львовѣ. Цѣна на рокъ съ почтою 4зр. 40кр. ср. полр. 2 злр. 20 кр. чвртр. 1 злр. 10 кр. на мѣстци 4 злр.

ЗОРЯ ГАЛИЦКА

Предплата отбираетъся въ бюрѣ дирекціи книгопечатной Института Ставропигіянского.

ПИСЬМО ПОСВЯЩЕННОЕ ЛИТЕРАТУРѢ И ЗАБАВѢ.

ЧИСЛО 31. Львовъ, 27 Липня 1856. РОКЪ XI.

ЛЮБОВЬ ЖЕНЩИНЫ

„Ей Орино ладь ми зброю
„Я при тобѣсь не остою
„Чути гомонъ отъ подковъ
„Черезъ степи черезъ лиманы
„Тягнутъ тучой бисурманы
Гра'тъ ми въ жилахъ — въ груди кровь."

Порхла съ лавки якъ пташина
Затревоженна Орина
Въ очахъ якъ бы блескъ померкъ;
Прелестнѣйша отъ оружья
Притуливши къ себѣ мужа
Два три разы въ личко черкъ.

„Ой мой мужу! моя доле
„На кровавомъ ратномъ полѣ
„Падутъ травой умерлы:
„Що же я почну зазуля
„Сли свалитъ тя шпарка куля
„Потнутъ вражіи сабли."

„Чи якъ сяду край Дунаю
„Тебе доле откуваю
„Съ чела, съ груди смыю кровь?
„Съ бѣлой груди выйму кулю
„И до сердца тя притулю
„И умерти — вмру съ тобой?"

„Сѣдлай коня, ладь но зброю!
„Цурь остатись мнѣ съ тобою
„Когда ворогъ степь залягъ.
„Будь ми вѣрна, сли не сгину
„То поверну въ бѣлу днину
„Подъ крыломъ побѣдныхъ стягъ."

„Якъ бы рыбцѣ лишь съ водою
„Менѣ жити такъ съ тобою
„А безъ тебе ночью свѣтъ;
„Я бы швидше съ тяжкой скуки
„Покрушила дробны руки
„Свяла якъ безъ солнца цвѣтъ.

Слухай! конь ржетъ у порога
Будь здорова! въ имя Бога!
Брящатъ мечи бой гремитъ
Оминутъ мя тучны хмары
Привезу богаты дары
Шолку до праздничыхъ свитъ

* * *

Ой на полѣ стало бѣло;
То юнацке лежитъ тѣло
Бѣле тѣло горѣлицъ;
Закаляны кровію свиты,
Тяжко къ тѣлу приступити
Отобрати отъ трехъ птицъ

Одна бѣла сумна птица
Не то птица, но сестрица
Надъ нимъ сѣла въ головахъ;
Друга журна якъ галочка
Не галочка но женочка
Сидитъ плачетъ у ногахъ.

А надъ сердцемъ розжаленна
Якъ вербиина похиленна
Родна мати слезы льетъ,
Що ажъ сумно на всемъ полѣ
Вѣтеръ дуетъ лишь поволе
А головку цвѣтка гнетъ

Ой та скоро сестра сганетъ
Заводити ревно станетъ
Про братчика съ року въ рокъ;
Печалива бѣдна мати

Не стаетъ за нимъ рыдати
Но рыдаетъ весь свой вѣкъ.

А женочка чи съ розпуки
Покрушила дробны руки
Свяла якъ безъ солнца цвѣтъ?
Въ ней румяны личка бѣлы
Чорны очи; до недѣли
Заводила, долше нѣтъ!

Не постигли поховати . . . .
Взяла шматье вышла съ хаты:
„Гей любѣтъ мя та берѣтъ!
„Я вдовица, якъ косица
„Калиновы маю лица!
„Уста якъ медовый цвѣтъ!

Е. Згарскій

КАЗАНЬ И ЕГО ДОСТОПРИМѢЧАТЕЛЬНОСТИ

послѣ Ц. Д. Л. Арнима

Послѣ посѣщенія славутной торговли въ Новгородѣ нижнемъ, отправилася сочинитель „путешествій по государствѣ россійскомъ" черезъ край Чувашевъ, которыхъ идолопоклонство онъ опишетъ, въ городъ Казань, предоказывающій ся въ отдаленію ступленною пирамидою съ двома столками на входѣ. Одна часть мѣста слѣдствіемъ частѣйшихъ жестоколютыхъ пожаровъ погрузилася въ пепелъ. Другая такожде прежде исгорѣвшая часть обновленна была тѣмъ великолѣпнѣйше. Путешественникъ заѣхалъ въ гостинницу одного нѣмца именемъ Гедлера, и вотъ що лишь вступилъ въ комнату, когда и президентъ полиціи подполковникъ Криденеръ вшедши оупрашалъ въ имени намѣстника генерала Баратинского, дабы благоволилъ переселитись въ обиталище намѣстнического зданія, по чемъ оу дверей гостинницы запрагъ стоялъ въ готовности. Понеже царица сама предпоручила Арнима генераловой Баратинской, по семіи княгинѣ Якамеликъ, то и не дивъ, що на первую вѣсть по обявленію оу городскихъ воротъ такъ привѣтствовательно былъ принятый. Но госп. Арнимъ пожелалъ до слѣдующаго дня пользоватися тѣми запросинами. Пусть теперь розскажетъ намъ самъ сочинитель.

„Мое переселеніе въ домъ намѣстничества слѣдовало въ оутро, когда и самъ намѣстникъ мене посѣтивши, повторилъ свои запросины. Намѣстническое обиталище возведенное послѣ пожара, хотя лишь на лѣто, находится въ мѣстѣ на верху очень пріятно росположенномъ, съ аллеями и великимъ городомъ. Оттуда есть дуже хорошій видъ; оу стопъ роспространяется далекая краина, къ которой то весною и въ осени тое прежде такъ славутное Казань окружающе озеро творится. Сейчасъ перенесъ м ся въ двѣ дуже хорошіи комнаты, и пошелъ представитись госпожѣ Баратинской. Оуже самая даже царица говорила менѣ о ей красотѣ и любезности, и по истинѣ такъ было. Скоро освоилъ м ся въ товаришествѣ съ нею, такъ бы оуже давно мы съ собою познакомилися; есть бо сіе найпріятнѣйше розговорикающему съ образованными женщинами, що всегда прибачится гдесь якійсь предметъ, служащій къ продолженію бесѣды, почемъ и розговоръ не прерывается недостаткомъ занимательного.

Понеже менѣ лишь коротко пребывати возможно было, то казалось не отвлекати тую случайность обозрѣти всѣ достопамятности, а госп. Криденеръ рѣшился быти моимъ сопроводникомъ. Каждый древнѣйшій городъ рускій имѣетъ такъ ви-

дитєѧ свой кремль, почемꙋ и тꙋтъ долженъ былъ обрѣтатисѧ, на самъ передъ мы отправилисѧ къ немꙋ.

Ꙗкъ почти каждый кремль такъ и тотъ єсть историчєскій, понеже Казань древній татарскій городъ былъ послѣднимъ хранилищемъ помирающаго царства татарского, и казалсѧ быти неподвержимымъ. Цꙋмбекка, послѣднаѧ королева имѣла въ томъ кремлѣ свою палатꙋ, гдѣ еще часть ей обрѣтаетсѧ, но теперь тамъ новый намѣстничій домъ, которого мꙋры лишь сꙋть оконченныи, созидаетсѧ. Домъ тотъ пространно єсть покладенъ, дабы и царѧ, когда посѣтитъ Казань, принѧти могъ къ обиталище. Побочъ той палаты стоитъ четырехꙋгольнаѧ вежа, ей же розличныи четырехꙋгольники горою заедно малѣютъ и высокимъ концемъ ꙗвлаютсѧ; принадлежитъ она временамъ татарскимъ. О ней несетсѧ вѣсть, що Цꙋмбекка бꙋдꙋчи въ любовномъ сношенїю съ однимъ кнѧземъ рꙋсскимъ, завоззвала тогоже, дабы заобиталъ въ Казанѣ; но когда тотъ не могъ соглаcитисѧ потомꙋ, що небыло греческой церкви, Цꙋмбекка пообѣтовала созданіе тойже розпорѧдити. По роспочатомъ созиданїю была лишь таѧ вежа оконченна, когда 1552. года заѧтїе города Иваномъ Василевичемъ послѣдовало.

Столько историческаго о томъ кремлѣ. Ꙗкъ изъ всѣхъ вышележащихъ точекъ въ Казанѣ, такъ и оттꙋда видъ єсть прехорошій, а когда ꙗ доволѣ по новымъ и древнимъ зданїамъ розсмотрѣлсѧ, поѣхали мы къ пространной и дꙋже богатой катедрѣ, которой то сокровища ꙗвно сꙋть значительны, если одное необыкновенное, золотомъ и дорогими жемчꙋгами обложенное евангелїе стоитъ до 60,000 рꙋблей. Церковь таѧ и въ томъ єсть достопамѧтною, що Архїерей Юрій созидатель ей 1556 года нꙋжныи къ томꙋ предпрїатїю гроши изъ добровольныхъ жертвъ оусбиралъ, и еще въ глꙋбокой старости своей, хотѧ безсиленъ отъ подагры свѧщеннодѣйствовалъ; о чемъ свѣдительствꙋютъ костыли обрѣтающїи сѧ въ сакристїи такъ снарѧженныи, що поклавши въ кꙋглое деревцѣ шею, а ꙗвшись обома рꙋками за костыли, правилъ слꙋжбꙋ божꙋ.

Вообще кажетсѧ отзначаетъ религїйнаѧ ревность жителей того мѣста, нею же воздвиглась и дрꙋгаѧ церковь, которꙋ ꙗ видѣлъ. Дѣло єсть слѣдꙋющее:

Петръ великій былъ иногда загостилъ до одного кꙋпца, когда роспочалъ походъ сопротивъ Бисꙋрмановъ и въ одинъ день казалсѧ быти недоводьнымъ та зажꙋренным. Кꙋпецъ постерегъ тое и домагалсѧ, дабы царь открылъ емꙋ свою тайнꙋ; наконецъ призналсѧ послѣденъ съ тѣмъ, що емꙋ къ ратнымъ предпрїатїамъ грошей не ставало. Кꙋпецъ отповѣлъ, що найдетъ томꙋ зарадꙋ и рѣшилсѧ 30.000 рꙋблей въ золотѣ и жемчꙋгахъ (великꙋю квотꙋ въ то времѧ) врꙋчити царю въ оупотребленіе. Съ благодаренїемъ воспринѧлъ царь гроши, побилъ враговъ и желалъ отдати кꙋпцеви гроши, но тотъ нехотѧчи ихъ прїимити, пожертвовалъ на созданїе новой церкви, а Петръ великій начеркнꙋлъ самъ планъ до ней.

Такожде и та пирамида на самомъ въѣздѣ оу воротъ Казанѧ должна мнѣ изъѧснитисѧ. Тожъ сновь поѣхали мы на лихій пꙋть, но на легонькой дорожцѣ къ пирамидѣ. Непогожаѧ тꙋча видѣлось сближалась, но ꙗ числилъ на мое счастїе въ пꙋтешествїю, а тое не оставило мене.

*

Пирамида сїѧ означаетъ мѣстце, откȣда Иванъ Василевичъ вознамѣревалъ всѣ напады къ заѧтїю горорода. Когда послѣ истеченїѧ 200 годовъ около города въ слѣдствїе частѣйшихъ борьбъ множество костей розсыпанныхъ лежало, то повелѣлъ царь Александръ ихъ посбирати, на одно мѣстце сосыпати, и поклавъ всѣ чашки въ каменномъ гробѣ на самъ верхъ, новосозидаемою пирамидою все заключити. Александрово сїе дѣло есть очень достохвальное; видъ розсыпанныхъ костей на побоевищѣ возмȣщалъ всегда сердце мое; на томѣстѣ воздвигаетсѧ хорошаѧ пирамида, плѣнѧюща по пространствѣ блȣкающее око.

Небавкомъ по гостинѣ возвратилъ ѧ сѧ въ мою комнатȣ, преодѣгсѧ и нашелъ въ салонѣ большее товаришество; кȣпно представлено мене и сестрѣ госпожи Баратинской, она же прехорошимъ голосомъ обдаренна и отъ способного оучителѧ въ спѣвѣ обȣченна еще того вечера насъ прехорошимъ пѣнїемъ занимала. (П. с.)

Утро и день.

Повѣсть изъ новѣйшихъ временъ.

(продолженїе).

„Прошȣ, прошȣ, ѧсный Пане! ай вай! тамъ на дворѣ такъ зимно, що и чортъ не выдержалъ бы подъ голымъ небомъ! Вотъ! мой дѣдъ Берко имѣетъ оуже 90. лѣтъ, а не памѧтаетъ, щобы когда така неделикатна зима комȣ тамъ въ очи зазирала ѧкъ намъ нынѣ. Прошȣ, ѧсный пане! загостѣтъ до шинквасȣ, бо тȣтъ въ сѣнѧхъ троха холодно, но въ хатѣ! ай вай! такъ ѧкъ въ раю; тамъ обачите моего малого Мошка, дерзского хлопака, но на несчастье отморозилъ себѣ нынѣ свой носъ, ѧкъ повертал изъ мѣста, . . а теперь грѣетсѧ подъ печью. Прошȣ, прошȣ пȣрецъ!"

— „А ты паршивый жиде!" закричалъ гнѣвливымъ голосомъ Порфирїй, — „та въ твоей злодѣйской корчмѣ и песъ не высидѣлъ бы! Ѧкїй панъ, такїй крамъ!... Глѧньте но паничȣ, ѧкъ въ жолобъ снѣгъ через проваленнȣ стѣнȣ вѣетъ, що вороный за оброкомъ въ той сотоньской корчмѣ даже не обзираетсѧ. А що за нȣжденный дахъ?! таже чрезъ него видно мовь чрезъ рѣшето, а въ ѧсненькой ночи могбы ѧ почислити чрезъ его диры всѣ звѣзды небесныи . . . Тф! кто бы тȣтъ попасалъ. А можетъ тȣтъ и горѣлки нѣтъ щобъ честный человѣкъ нею троха покрѣпилсѧ?"

Ахесъ миръ!" озвалсѧ жидъ съ оусердїемъ — а то що такого? въ моей корчмѣ мене еще съ крикомъ на бȣкȣ давати? Нȣ! если вамъ не оугодно оу мене гостити, то счастлива дорога. Иване отвори ворота!"

„Ей Порфирїй!" промовилъ посредствȣющїй Їоаннъ, — „оутихомирѣтесѧ съ вашею ревностїю! Мы тȣтъ долго не бȣдемъ попасати! Да отодхнȣтъ троха коники, а поѣдемъ сей часъ въ дальшȣ дорогȣ!"

„Рифке! Рифке! принеси чашȣ горѣлки длѧ фȣрмана ѧсного пана! Нȣ, теперь прошȣ, дабы и Пȣрецъ въ теплой комнатѣ огрѣлсѧ, и ѧкимъ напиткомъ покрѣпилсѧ. Вотъ оу мене есть доброе пиво, кȣликовскїй медъ, добрый ликеръ! . .". .

И съ тѣми словами отворилъ лȣкавый жидокъ двери такъ зовомой своей теплой комнаты, оупрашиваючи ѧсного пȣреца, дабы въ ней загостилъ. Была то не велика, совершенно неопрѧтнаѧ хатина. Чрезъ повыбиванны окна вѣѧлъ крѣпкїй вѣтеръ

и не могъ задержаннымъ быти такимъ то жидовскимъ лахманомъ, закрывающимъ отверстія окна. При столѣ сидѣло нѣсколько оуныло зѣвающихъ селяновъ при горѣлцѣ, а около печи дремали многочисленны, полънаги дѣти арендатора. Скоро ино гланулъ Іоаннъ въ тую пещеру изгнанцевъ, то якъ бы оустрашенъ тою плачевною мерзостію, помчался назадъ до сѣней не внимаючи оувлекательнымъ словамъ жида, оуказуючего на оживительный бальсамъ. —

— „Ой Паничу! оуходѣмъ изъ той заклятой корчмы; въ ней бо щось злого шатается! То бачу есть тая самая корчма, въ котрой, якъ менѣ отецъ розказывалъ, якійсь бѣснующійся чортъ кони на банты выкидаетъ. Такъ менѣ видится!"

Засмутился Іоаннъ на тую занимательну рѣчь сѣверного Порфирія, и сѣвши на сани велѣлъ дальше ѣхати.

„А далеко оттуду до Сосновины, до Господина Карабельского, — арендаторе?"

„Вотъ на полночь будете на мѣстѣ! Ай вай! въ той метелицѣ заѣдите въ якую пропасть, и будете въ якой ямѣ съ волками ночевати. Счастлива дорога! Иване отвори имъ ворота!"

„А куда ведетъ дорога до Сосновины?"

Я не знаю! и тое сказавши захлопнулъ жидъ за собою двери и исчезъ. . .

— „О сотоно! начальникъ твоего рода долженъ быти тотъ самъ, который Спасителя продалъ! — Нужъ, вороный! мчись на слѣпе счастье!" кричалъ роздражненный Порфирій.

— „А котора то година, мой паничу! бо нынѣ годѣ полъдне отъ вечера роспознати. Гляньте но на вашъ часосказъ!"

„О уже перва по полъдне! Въ трехъ часахъ станетъ смеркати, а мы не знаемъ, где мы обрѣтаемся!" отвѣчалъ тревожливо женихъ. —

— „Тф! лихая доле! То гдесь на лисой горѣ бѣснуется чертъ и баба съ лопатою!"

„А откуду вы тое знаете?" вопросилъ оусмѣхаючійся Іоаннъ.

— „Ибо я самъ то своими очима видѣлъ, будучи хлопчакомъ, коли я одного бурливого дня до Зарваницы шелъ." —

Еще нѣсколькое время бесѣдовали въ томъ смыслѣ наши путешественники, якъ наразъ Іоаннъ возрадованный крикнулъ:

„Сосновина! Сосновина! мой Боже! якій то дивный оборотъ судьбы. Видите-ли вы добре Порфирій! мнѣ сдается! що оный хатки на горѣ, чрезъ снѣгъ прозябающіи, принадлежатъ до Сосновины?"

— „А то що такого! Таже то въ самомъ дѣлѣ Сосновина! — вотъ тіи четыре хатины, а тамъ дворокъ Господина Карабельского! Ой нашъ вороный зналъ лучше дорогу нежели мы!

Нужъ, скорше котики! . . . Ба, вже ктось въ дверяхъ двора стоитъ, и насъ выглядаетъ." —

„То Ванда, моя голубка!" подумалъ Іоаннъ и придалъ голосно: „Скорше Порфирій!"

И вооружился счастливый Іоаннъ въ всѣ сбруи оувлекательного и рѣшительного жениха, уже летѣлъ онъ мыслію къ своей любимицѣ, . . уже видѣлъ въ духѣ, якъ она румянится и на желаніе его сердца соглашается, — а передъ нимъ блестѣло роскошное счастье, своимъ изобильнымъ даромъ юну пару озаряючи, — въ втомъ стали сани предъ балкономъ, а въ встрѣчу вышла . . . . старая Карабельска! —

А оучтивый отецъ, а нѣжная Ванда!..

О! панъ старый есть въ стодолѣ, а

Уанда сидитъ въ гардеробѣ!

И такъ былъ принꙋжденъ Іоаннъ скꙋчный розговоръ вести съ старою — черезъ одинъ долгій и долгій часъ, зачѣмъ Карабельска съ бабскою болтливостію розговорилась о нынѣшнемъ снѣгꙋ, о новой сѣчкарнѣ, . . о новыхъ оуборахъ Ванды...

Но ꙋже ꙗвилась ожиданна Ванда, хорошо одѣта, съ рꙋмѧнымъ но пышнымъ лицемъ, а такаѧ красна, ꙗкꙋю изꙋмленный Їоаннъ никогда не видѣлъ! Но гдежъ тїи милыи привѣтствованїѧ, веселыи розговоры? — „Съ начала есть дѣвица несмѣлою;" дꙋмалъ Їоаннъ, — а Ванда, промовивши нѣсколько словъ о обыкновенныхъ вещахъ, задерла гордо носъ до горы, и сѣла до Фортепѧна. . . .

Въ томъ встала стара Карабельска, и посꙋнꙋлась до пекарни, дабы ꙗкꙋ вечерꙋ длѧ рѣдкого гостѧ прїꙋготовити. Отже имѣлъ нашъ доселѣ боѧзливый воинъ приличнꙋ способность, гожей Вандѣ желанїѧ своего пламенѣющаго сердца, предложити.

Но новаѧ злоба! Скоро дѣвчина смиренно-сердечнꙋю рѣчь своего нечаѧнного любовника оуслышала, то стала такъ веселгласно хохотатись, що Їоаннъ изъ стыда по оуши рдѣлъ, — и всѣ его оусилїѧ ораторскїи, всѣ концепта прїобрѣтенныи за границею низвергнꙋла бодраѧ Ванда слѣдꙋющимъ лаконическимъ выраженїемъ: „Мой Господине! вы должны различїе тое вѣдати, ꙗко благопрїѧтствовати комꙋсь, есть то щось иного, нежели любити, женитисѧ или присѧгати!"

При тѣхъ словахъ рѣшительныхъ видѣлсѧ несчастный любовникъ изъ райской высоты въ болотистꙋю пропасть низверженнымъ быти, — но еще ободрилсѧ въ той надеждѣ, що то сꙋть только обыкновенныи выговорки дѣвическїи, и що старый отецъ рѣшитъ тое въ счастливꙋ кончинꙋ. . . .

Вотъ приходитъ и самъ Панъ Карабельскїй, крѣпкїй еще старецъ, — а грꙋбый ꙗкъ онаѧ бочка на квашеннꙋ капꙋстꙋ,

„А здравствꙋй Моспане! га, га, га! таже то ꙋже копа лѣтъ, ꙗкъ ꙗ васъ малымъ юнакомъ видѣлъ, а теперь вы гладилисьтесѧ въ хорошаго молодца. Ей прошꙋ, прошꙋ, розгостѣтесѧ оу насъ!" и тое сказавши гремꙋчимъ голосомъ, такъ сердечно стиснꙋлъ тонкого Вѣденьчика, що даже слезы выстꙋпили томꙋжъ невольно.— „Гей, Маргосю! а приготови смачный бигосъ на вечерꙋ, — ꙗ хочꙋ моего гостѧ добре почтити!"

Долго тѧгнꙋласѧ оувеселительна бесѣда; — старый Карабельскїй болталъ различныи сказочки изъ ꙗкоись золотой старины,-даже и Ванда мѣшала свои рѣзкыи примѣчанїѧ въ розговоръ,-но ꙗкъ оуслышалъ старикъ сердечнꙋю рѣчь Їоанна, оупрашивающаго о рꙋкꙋ достойной Ванды,... то такъ сильно покачалъ головою, а можетъ быти еще сильнѣйше, ꙗкъ иногда старый Прїамъ предъ разрꙋшенїемъ своей Трои.

„О Моспане! вы желаете невозможное! А знаете вы, що вы хочете? — ничто иного, ꙗкъ карабелю съ черною ризою соединити. Го! тое не бывало еще никогда въ моей роднинѣ. Мой родъ, мꙋжественный такъ при сабли ѧкъ и при шклѧнцѣ, возможетъ вамъ оуказати по мечꙋ и по кꙋдели достойныхъ поборниковъ и оукрасителей домашнаго мира. Гланьте но до моей скрини, а найдете тамъ стариннꙋ карабелю и прадѣдный контꙋшъ, переданный менѣ въ славѣ и храбрости! А що вы, Моспане, себѣ дꙋмаете, що ꙗ теперь

не имѣючи больше якъ четырехъ подданныхъ, не могу хвалитись давнымъ могуществомъ? Мой прадѣдъ былъ шамбеляномъ и паномъ многихъ селъ; моя найстарша дочь есть выданна за одного вельможа въ Варшавѣ, молодша за дѣдича, а тая третья, моя любезнѣйша Ванда не будетъ довольною вашею печальною келїею, Мосьпане! ниже якою дирою лапотного шляхтича! — а можно сказати, що она между моими дочками найкраснѣйшею есть!" . . . .

Но на томъ не конецъ, ибо и беззубая Карабельска зачала плести о фортепановомъ воспитанїи, и о господской гибкости ей дочери, домагаючейся якого шамбеляна за мужа. — Ванда же, зѣваючи отъ долгой бесѣды, пошла безъ церемонїй спати. . . . . .

Пращайте всѣ прелестныи надежды всѣ золотокрылїи генїи, пращайте! — по такъ солодкомъ снѣ пробудился Їоаннъ якъ бы въ оуединенной пустынѣ, а своевольное счастїе оусмѣхнувшися дико — полетѣло въ синюю даль. „Добро менѣ!" думалъ онъ жалостно, „добро менѣ! по що было менѣ по за свой горизонтъ втискатися!" . . . Пришла гдесь о полночи вечера, — а Їоаннъ ѣлъ и не ѣлъ тотъ славленный бигосъ, . . . оуже онъ ничего не видѣлъ, ничему не внималъ, и только въ дали свого душевного зрѣлища воображалъ онъ себѣ красну Ванду, на ейже лицу волновалась горька насмѣшка. Но старый Карабельскїй ѣлъ якъ волъ, якъ бы цѣлый тыждень въ голодѣ проживалъ, и поглотилъ мало не самъ великое блюдо бигоса. По вечерѣ захотѣлось старому Марїаша, но понеже Їоаннъ безъ души игралъ, отже отправилась дремающа стара до спальни, а Карабельскїй просилъ Їоанна, дабы онъ изволилъ за служащимъ пойти до официнъ, наряженныхъ для гостей на ночлегъ ибо въ маленькихъ двохъ комнатахъ едва для домашнихъ скудный былъ прїютъ. —

Вышелъ пораженный любовникъ изъ комнаты, и едва оувѣрилъ своимъ очамъ, коли въ сѣнахъ грубого Петра оузрѣлъ, который стоячи съ свѣщею на гостя ждалъ, дабы его до спальни завести.

„То вы Петре! а вы тутъ що дѣлаете?"

— „Ха, ха, ха! добрый вечеръ паничу! вотъ видите, — мой грубый животъ, не любовался въ тѣсной ливреи, и боялся сѣдла дикихъ коней, а оу доброй Панночки Ванды лучше служити, якъ оу ей гордой сестры!"

„Оу доброй Ванды? о! для мене она оуже пропала!" мурчалъ Їоаннъ.

— „Ба! я оуже стался теперь даже надзирателемъ надъ гумномъ, и стою цѣлый день надъ роботниками, про тое не могъ я васъ прежде тутъ видѣти!

„Про имя . . . ! а тутъ що за бѣда бьется пригвожденна до дверей! вскричалъ оустрашенный Їоаннъ.

— „Ей! не бойтеся, то есть сова, которую пустый Бартко днесь въ вечеръ до дверей пробилъ!" сказалъ грубый истолкователь.

„Лишь я прошу васъ, возмите себѣ до лиха той призракъ, — та бѣда верещитъ такъ оужасно, що душа волнуется!"

— „Ба! я знаю! що дѣлати, бо панночка Ванда велѣла тую сову тутъ пробити за тое, що въ ночи ей спати не давала."

„Снова Ванда! . . прошу васъ на мою отвѣчательность, оторвѣтъ тую страшную птицу!"

Оуслушъал оучтивый Петръ Їоанна, и

снявши съ дверей полумертву сову, впровадилъ гостя до сѣней. Въ томъ захлопали два збужденныи въ оуглу сѣней томившїися бузьки, которыи имѣючи оурѣзанны крыла, не могли за своими братьми въ теплы краи летѣти, но должны были тутъ хворати. —

— „Тїи два бузьки суть любимцы нашей панночки;" промовилъ говорливый Петръ.

„Якъ я вижу, ваша панночка любуется только въ оужасныхъ явленїяхъ природы! Но тїи высоконоги будутъ мнѣ цѣлу ночь хлопати, — лучше бы мнѣ было на санахъ выспатися!"

— „Ба! теперь можетъ быти розогрѣлисьтеся старымъ медомъ, и тепло вамъ, но за одинъ часъ будете и вы хлопати зубами якъ тїи бузьки;" болталъ довѣренный старикъ. „Прошу до хаты, тутъ не замерзнете, бо Бартко такъ запалилъ, що даже потрескала печь, — прошу!"

Отворилъ Петръ двери отъ комнаты а въ ней такїй дымъ и оугаръ, що ни на мгновенїе тамъ не выстояти.

— „Тутъ имѣетъ мой панъ въ лѣтѣ канцелярїю, а въ зимѣ, кто хочетъ то ночуетъ тутъ. Не много дыма, но за тое тепло, а нынѣ продалъ бы человѣкъ за теплоту и родного брата! Така студень, що и собаки въ печи хранятся. Потреба окно отворити, а потомъ будете паничу спати до полудни якъ на пуху. Добра ночь!". . . .

„О добра ночь! чертъ бы тутъ оуснулъ! Изъ диры отъ печи садитъ дымъ якъ изъ неистощимого жерела, що въ той комнатѣ, и песъ не посидѣлъ бы. А якое ложе! та же на оное ни сѣсти, ни положитись, бо ноги отъ него поломанны, и цѣлое отъ найменшаго прикосновенїя трещитъ; отъ! лучше будетъ долгу ночь въ шубахъ пересидѣти, а скоро свѣтъ,... заѣзжайте Порфирїй! не хочу я больше видѣти надменну Ванду и ей чрезвычайныхъ любовниковъ! — (П. с.)

ДОПИСЬ ИЗЪ ЛЬВОВА

Воистинно годъ 1856 увѣковѣчится на скрижаляхъ русской исторіи! Не давно тому сподобился нашъ Высокопреосвященный Кардиналъ и Митрополитъ куръ Михаилъ всевысочайшей Милости Его Апостольской Святости и Его Императорского Величества, — и вотъ благодарныи Сыны Галича ревниво приспѣваютъ съ своими дарами къ престолу Всевышняго, чтобъ оную память ликующихъ Русиновъ славно и велелѣпно празднуя, также и благополезнымъ дѣломъ укрѣпити и утвердити. Таковымъ старательнымъ усиліямъ славного увеличенія оного событія должно причислити не давно здѣшнюю печатню опустившее дѣльце подъ заглавіемъ: „Зданія древнія въ сравненіи съ нынѣшними." Сочинитель сей брошюры желаетъ въ своемъ смиреніи безъимяннымъ остатися. Въ розыскиванію упомянутого предмета выказуетъ авторъ яснымъ и любопытнымъ образомъ параллелю зданій древняго вѣка съ нашими — именно русскими церквами. Если онъ уже симъ дѣлцемъ прозябающую нашу литературу къ благодарности одолжилъ; то далеко болѣе почитаемъ Его саму важную цѣль, въ которой совѣстно сказавъ Онъ весь а весь благородный является. Тая брошюра печатанна въ 1000 екземплярахъ собственнымъ иждивеніемъ автора, а весь доходъ опредѣленный — на вдовичій фондъ священническій Перемышльскій! Сама стоитъ 20 кр. ср. и продается въ книжной лавцѣ Ставропигійского Института. Отцы духовныи и вся Галичская и Угорская братія! не оставляйте нищихъ вдовъ и сиротъ безъ помощи, каждый да подастъ на тую благородную цѣль свою лепту, а Всевышній отирая горестны слезы вдовъ и сиротъ сторицею Вамъ вознагородитъ. — Н. К—ій.

Тупомъ Института Ставропигіянского. Редакторъ Николай Савчинскій.